

В. А. ЗАЙЦЕВ, А. П. ГЕРАСИМЕНКО

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Допущено

*Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности «Русский язык и литература»*

Москва
Издательский центр «Академия»
2008

УДК 82.09(075.8)
ББК 83.3(2 Рос-Рус)6я73
3-12

Рецензенты:

кафедра новейшей русской литературы Тверского государственного университета (зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор *В. А. Редькин*);

кафедра русской литературы Чувашского государственного педагогического университета (зав. кафедрой — доктор филологических наук, профессор *Д. В. Абашева*)

На обложке: И. Обросов «Окно», 1985 г., серия «Москва»

Зайцев В. А.

3-12 История русской литературы второй половины XX века : учеб. пособие / В. А. Зайцев, А. П. Герасименко. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 448 с.

ISBN 978-5-7695-4328-9

В книге дан обстоятельный очерк развития отечественной литературы в 1950—1990-е годы в «метрополии» и зарубежье, выявлены ее существенные черты и особенности, прослежены пути движения художественной прозы и поэзии, их основных жанров, охарактеризованы важнейшие стилевые тенденции, наиболее яркие художнические индивидуальности. Освещены творческие поиски крупнейших писателей разных поколений: А. Ахматовой, Ф. Абрамова, Б. Пастернака, В. Гроссмана, А. Твардовского, В. Шукшина, А. Солженицына, В. Маканина, С. Довлатова, И. Бродского, В. Высоцкого и многих других.

Для студентов-филологов университетов и педагогических институтов.

УДК 82.09(075.8)
ББК 83.3(2 Рос-Рус)6я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Зайцев В. А., Герасименко А. П., 2008

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2008

ISBN 978-5-7695-4328-9 © Оформление. Издательский центр «Академия», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

История русской литературы XX столетия еще не написана, хотя потребность в ее научном изучении и целостном системном изложении сегодня ошутима остро как никогда. Существующие учебники и пособия, как правило, не претендуют на полноту и всеохватность, посвящены лишь тем или иным разделам курса и потому предлагают, каждый по-своему, частичное решение этой большой и сложной задачи¹.

К сожалению, в большинстве современных изданий, носящих название «Русская литература XX века», вторая половина столетия освещается заметно слабее, нередко с большими «лакунами», или порою вообще игнорируется. Исключения представляют учебное пособие Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, богатое историко-литературным материалом, осмысленным «в теоретическом ключе», и пособие под редакцией Л. П. Кременцова. Впрочем, не вдаваясь в оценку и подробную характеристику уже имеющихся трудов, заметим, что их наличие не отменяет дальнейших поисков в этом направлении.

Один из существенных вопросов, по сей день встающих перед исследователями и преподавателями, — это проблема периодизации истории русской литературы XX века, в том числе особенно — последнего пятидесятилетия. Опять же, не углубляясь в подробности прошедших в свое время дискуссий², следует отметить, что до последнего времени в разных учебниках и пособиях сами принципы подхода к этой проблеме и границы периодов нередко определялись по-разному.

В современной вузовской программе «Истории русской литературы XX века»³, охватывающей развитие отечественной литературы с 1890-х по 1990-е годы, очевидно стремление проследить

---

¹ См.: История русской литературы XX века (20—90-е годы). Основные имена. — М., 1998; *Баевский В. С.* История русской литературы XX века: Компендиум. — М., 1999; *Соколов А. Г.* История русской литературы конца XIX—начала XX века. — М., 2000; *Голубков М. М.* Русская литература XX в.: После раскола. — М., 2001; *Мусатов В. В.* История русской литературы первой половины XX века (советский период). — М., 2001; *Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература: в 2 т. — М., 2003; Русская литература XX века: в 2 т. / под ред. Л. П. Кременцова. — М., 2005; и др.

² См. статьи: А. Г. Бочарова (Вопросы литературы. — 1987. — № 1); А. А. Михайлова (Литературное обозрение. — 1988. — № 8); С. И. Кормилова (Вестник МГУ. — Серия 9: Филология. — 1994. — № 5) и др.

³ Программа дисциплины «История русской литературы XX века» (1890—1990 гг.). — М., 1997.

важнейшие внутренние закономерности литературного процесса всего столетия. При этом выделяются три больших периода, связанных с особо значимыми общественно-историческими процессами в России XX века: 1) конец XIX — первые два десятилетия XX века (1890—1920); 2) 1920-е — начало 1950-х годов; 3) середина 1950-х — 1990-е годы.

Возможно, данная периодизация и нуждается еще в уточнениях, но в целом, думается, ее можно принять. При этом вторая половина века (1950-е — 1990-е годы) также предстает как достаточно большой и сложный период, для которого в главном характерно углубление и расширение возможностей литературы в условиях непростого, со всякого рода препятствиями и отступлениями, хода демократизации общественной жизни после смерти И. В. Сталина и разоблачения на XX съезде партии (1956) так называемого культа личности.

В этом протяженном во времени историческом периоде можно условно выделить три этапа: 1) с середины 1950-х до конца 1960-х годов; 2) с начала 1970-х до середины 1980-х и 3) со второй половины 1980-х годов до конца века и тысячелетия. Естественно, они отмечены разным характером, сложностью и неравномерностью развития, хода общественно-литературного процесса.

Обращает на себя внимание особый динамизм переломного времени — конца 1950-х — начала 1960-х годов, оживление, пробуждение литературных сил в период краткой и не оправдавшей связанных с нею надежд хрущевской «оттепели». И напротив, — замедленность, заторможенность, проявления «идеологии и психологии застоя» в период брежневского правления — со второй половины 1960-х, а особенно в конце 1970-х — начале 1980-х годов. Наконец, с новой силой обозначаются перемены и обновление в общественной и духовной жизни и, соответственно, в литературе с середины 1980-х годов. Сказанное определяет содержание и построение предлагаемой читателю книги.

В данном пособии представлен по возможности обстоятельный очерк развития отечественной литературы XX столетия в «метрополии» и зарубежье, выявлены ее существенные черты и особенности, прослежены пути движения основных жанров, прежде всего художественной прозы и поэзии, отчасти и драматургии. Что касается драматургии и театра, то разговор о них и о наиболее видных драматургах (А. Арбузове, В. Розове, А. Вампилове) ведется не в специальных главах и разделах, а в связи с общекультурной ситуацией и в плане раскрытия важных тем и проблем литературы в целом.

Освещая литературный процесс, авторы стремились дать общую картину и вместе с тем конкретно охарактеризовать его главные направления, «линии», «потoki», важнейшие жанровые и стилевые тенденции, а также наиболее яркие художественные ин-

дивидуальности — от Анны Ахматовой и Бориса Пастернака, Михаила Пришвина и Александра Твардовского до Иосифа Бродского и Александра Солженицына, Юрия Трифонова и Василия Шукшина. Вместе с тем творчество Ахматовой и Пастернака, Пришвина и Заболоцкого, развивавшееся на протяжении ряда десятилетий — от начала века до его середины и второй половины, — представлено в обзорной главе пособия его поздним, итоговым этапом.

В основе построения книги лежит историко-хронологический принцип. При этом по установившейся традиции к обзорным главам, характеризующим собственно литературный процесс, обусловленный ходом истории общества и внутренними художественно-эстетическими закономерностями, примыкают монографические главы — портреты крупных художников, чье творчество, теснее всего связанное с данным периодом, рассматривается более обстоятельно и подробно. Кроме того, внутри обзорных глав немало места уделено «мини-портретам» или «медальонам» видных прозаиков и поэтов, а также характеристике их наиболее значительных произведений.

Все это дополняется приведенными в конце книги справками об их творчестве и списком рекомендуемой литературы, дающим читателю возможность расширить представление о предмете.

В целом очерк литературного развития 1950—1990-х годов, его художественных течений, главных «поток» и направлений в «метрополии» (советская или «официальная» и «неофициальная», «андеграунд»), а также в зарубежье позволяет выявить его многообразные подлинно художественно-эстетические ценности и главные, существенные черты и особенности, в том числе сложное взаимодействие основных «ветвей» отечественной литературы середины и второй половины XX века и их сближение, воссоединение в конце столетия.

Литература 1950—1960-х годов

Общая характеристика

Пятидесятые годы отчетливо воспринимаются как переходные, точнее, переломные в истории общества и литературы. Еще не сложились в памяти, были совсем рядом «сороковые, роковые», и прежде всего — жесточайшая, кровопролитная война с фашизмом, унесшая десятки миллионов человеческих жизней. «День Победы, нежный и туманный», о котором писала Анна Ахматова в 1945 г. в стихотворении «Памяти друга», принес ни с чем не сравнимое чувство освобождения, но вскоре обернулся горьким ощущением «несбывшихся надежд», столь выразительно и с подлинно трагедийной силой переданным Михаилом Исаковским («Враги сожгли родную хату...», 1945).

После несомненного творческого взлета поэзии и прозы в годы Великой Отечественной войны (стихи и поэмы Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Ольги Берггольц, Константина Симонова, Александра Твардовского, рассказы и повести Андрея Платонова, Алексея Толстого, Александра Бека, Василия Гроссмана, главы из романа Михаила Шолохова) и недолгого «всплеска» после Победы (повести Виктора Некрасова, Веры Пановой, Эммануила Казакевича) вслед за опубликованным в августе 1946 г. разгромным постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград” наступили самые тяжкие времена в развитии советской литературы, когда «на излете» тоталитарного режима партийная, командно-административная система всячески стремилась к унификации в сфере литературы и искусства, к подчинению писателей требованиям партийности, нормам и канонам социалистического реализма.

Уже в самом начале 1950-х годов наметились признаки оживления общественной и литературной жизни, развернулось обсуждение важных социальных и художественно-эстетических проблем. В журнале «Новый мир» в 1952—1954 гг. были опубликованы очерки Валентина Овечкина «Районные будни», статьи Владимира Померанцева «Об искренности в литературе», Федора Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», главы из поэмы А.Твардовского «За далью — даль». В главе «Литературный разговор» этой поэмы Твардовский сатирически описывает «твор-

чество» получивших одобрение власти беллетристов, поверхностно-иллюстративные книги которых имитируют жизнь:

Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.
Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед;
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...
И все похоже, все подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завить.

В те же годы в печати развернулись дискуссии о «положительном герое» и «теории бесконфликтности», о «самовыражении» в лирике и др. В стихотворении «Что-то новое в мире...», датированном 1948—1954 гг., Леонид Мартынов взволнованно размышлял о настоящем и будущем, одновременно предсказывая то, что должно было произойти в самой жизни: «...Выпрямляется раб обнаженный, / Исцеляется прокаженный, / Воскресает невинно казненный...».

Особенно заметные перемены обнаружили в середине 1950-х годов, обозначив новый период в развитии нашей культуры, связанный с глубокими изменениями в самой жизни и общественном самосознании. После смерти в 1953 г. И. В. Сталина важной вехой в истории страны стал XX съезд партии, разоблачивший так называемый культ личности.

Начало и первые шаги обновления восходят к 1950-м годам. На Втором Всесоюзном съезде писателей (декабрь 1954 г.) в ходе острейших творческих дискуссий отчетливо проявилось стремление к художественному многообразию, преодолению иллюстративности, развернулась критика концепции так называемого идеального героя и т.п.

В это же время процесс обновления начался в театре и кинематографе, живописи и музыке (достаточно вспомнить «Театр на Таганке» и «Современник», фильмы М. Калатозова «Летят журавли» и Г. Чухрая «Баллада о солдате», художественные выставки в Манеже и Музее изобразительных искусств, вечера поэзии в Политехническом музее и открытие летом 1958 г. памятника Маяковскому, где поэты прямо на площади читали свои стихи).

С середины 1950-х годов стало выходить множество новых литературно-художественных журналов и альманахов («Юность», «Москва», «Нева», «Волга», «Дон», «Урал», «Подъем», «Вопросы литературы», «Русская литература», «Иностранная литература» и др.). Это время ознаменовалось приходом нового поколения поэтов, прозаиков и драматургов. Широкую известность получили имена Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной, Василия Аксенова, Юрия Казакова и многих других.

Оживилась не только писательская практика, но и критическая, исследовательская мысль. Прошел ряд полезных дискуссий (о реализме, о современности в литературе и др.). Были восстановлены имена и опубликованы книги писателей, репрессированных в 1930-е годы, таких как И. Бабель, П. Васильев, А. Веселый, М. Кольцов, Б. Корнилов, О. Мандельштам, Б. Пильняк и др. К читателю стали возвращаться долгое время не публиковавшиеся произведения А. Ахматовой, М. Булгакова, С. Есенина, М. Зощенко, Б. Пастернака, А. Платонова.

Процесс социально-культурного обновления уже в конце 1950-х гг. шел крайне сложно и внутренне противоречиво. В обществе и соответственно в литературной среде наметилось отчетливое размежевание и даже противостояние двух сил. Наряду с явно положительными тенденциями, публикацией новых произведений нередко были острые критические нападки и даже организованные кампании против ряда писателей и произведений, обозначивших новый этап общественно-литературного развития (повесть И. Эренбурга «Оттепель» и его мемуары «Люди, годы, жизнь», романы Б. Пастернака «Доктор Живаго», В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказы А. Яшина «Рычаги», Д. Гранина «Собственное мнение» и др.).

Сюда же можно отнести грубые, проработочные выступления Н. С. Хрущева по адресу некоторых деятелей искусства, молодых поэтов и прозаиков на встречах с творческой интеллигенцией в конце 1962 — начале 1963 г. Так, были подвергнуты беспардонному и некомпетентному критическому разному произведения художника Роберта Фалька, скульптора Эрнста Неизвестного, поэта Андрея Вознесенского, кинорежиссера Марлена Хуциева и др.

На протяжении всех 1950 — 1960-х годов неоднократно проявлялись попытки повернуть общественно-литературный процесс вспять, продолжалась неутихающая борьба партийной номенклатуры и официоза против любых тенденций к обновлению, расширению художественно-эстетических возможностей литературы. Так, ожесточенным нападкам подверглись наиболее талантливые и острые произведения, опубликованные в сборниках «Литературная Москва» (1956) и альманахе «Тарусские страницы» (1961), в «Новом мире» А. Твардовского вплоть до его вынужденного ухода

из журнала в 1970 г. Позорные вехи этой борьбы — травля Бориса Пастернака, сопровождавшая присуждение ему Нобелевской премии, судебный процесс над И. Бродским, обвиненным в «тунеядстве» и высланным на Север, «дело» А. Синаевского и Ю. Даниеля, осужденных за их художественные произведения, опубликованные за границей, преследования А. Солженицына, В. Некрасова, А. Галича и многих других.

Тем не менее главные тенденции развития литературы в 1950—1960-е годы выражались прежде всего в утверждении свободы творческой мысли и углублении жизненной и художественной правды, в обращении к важнейшим проблемам современности и стремлении глубже раскрыть внутренний, духовный мир современного человека, наконец, в интенсивных новаторских поисках многообразия жанров, форм, стилей, в наиболее полном личностном самораскрытии творческой индивидуальности художника.

Одна из особенностей и характерных черт литературы этого периода — возросший интерес к осмыслению закономерностей развития общества, к сложным проблемам и конфликтам времени, к тому, чтобы глубже и шире познать сегодняшний день в его связях с историческим прошлым, острее ставить и раскрывать жизненно важные вопросы (социальные, нравственные, философские, эстетические). С этим связано и обострившееся внимание к внутреннему миру человека, к судьбе личности, к индивидуальному началу в народной жизни.

Это расширение и углубление гуманистического содержания литературы, пристальное внимание к народной душе, к ее нравственным основаниям и истокам наиболее ярко проявилось в военной и деревенской прозе. Свои специфические черты обнаружило, особенно на рубеже 1950—1960-х годов, и такое своеобразное направление или стилевое течение, как «молодежная», «лирико-исповедальная» проза, отразившая общий лирический «всплеск» в литературе того времени.

Поэзия 1950—1960-х годов

В середине 1950-х, а особенно в их второй половине и начале 1960-х годов поэзия переживала творческий подъем. Непосредственное воздействие на нее оказало начавшееся преодоление последствий культа личности И. В. Сталина, первые выступления против наследия тоталитаризма, командно-административной системы, сложный процесс утверждения демократических принципов жизни.

Именно в то время в литературу вступило новое поколение молодых поэтов. Поэтическое слово зазвучало на многолюдных вечерах. Стали традицией Дни поэзии, проводившиеся в разных городах, собиравшие многотысячные аудитории не только в По-

литехническом музее и концертных залах, но и во дворцах спорта и на стадионах.

Начался своеобразный эстрадный поэтический «бум». Как писал тогда в стихотворении «Что-то новое в мире...» (1954) поэт старшего поколения Л. Мартынов: «Человечеству хочется песен. // Люди мыслят о лютне, о лире. // Мир без песен неинтересен».

Следует заметить, что особенно велика, даже, пожалуй, приоритетна была тогда роль поэзии в отражении общественных настроений, в формировании нового общественного сознания, не скованного всевозможными запретами, — в преодолении догматизма и иллюстративности. Жизнь ставила перед литературой и искусством серьезные и острые проблемы. И прежде всего надо отметить возросший интерес к реальным противоречиям, сложным конфликтам и ситуациям, к анализу внутреннего мира человека.

Стремление к жизненной конкретности, достоверности, факту, к раскрытию нравственных ценностей личности, неповторимой и самобытной человеческой индивидуальности нередко сочеталось с тягой к широте охвата бытия, к масштабности поэтического мышления с его историзмом и философичностью, а также к утверждению приоритета общечеловеческого содержания литературы и искусства. Важную роль в этих процессах сыграло освоение художественного опыта и традиций отечественной поэтической классики, в частности возвращение в литературу ряда имен крупнейших поэтов XX века: А. Ахматовой, С. Есенина, О. Мандельштама, М. Цветаевой и др.

В середине 1950-х годов приметы обновления и подъема отчетливо сказались в творчестве поэтов старшего поколения, по-своему переживавших и осмыслявших накопленный за предшествующие десятилетия «нравственный опыт эпохи», как писала Ольга Берггольц. Именно они активно обращаются в стихах к событиям сегодняшнего дня и исторического прошлого, тяготеют к философско-поэтическому осмыслению жизни, ее «вечных» тем и вопросов. Характерны в этом плане вышедшие в середине и второй половине десятилетия лирические книги Н. Асеева «Раздумья» (1955), В. Луговского «Солнцеворот» (1956), Н. Заболоцкого «Стихотворения» (1957), М. Светлова «Горизонт» (1959) и др.

Как бы отозвавшись на страстные выступления Ольги Берггольц в защиту «самовыражения» и «Против ликвидации лирики» (так называлась ее статья в дискуссии 1954 г. в «Литературной газете» от 28 октября), в поэзии этих лет произошел своеобразный лирический «взрыв», сказавшийся и на литературе в целом: появилась «лирическая проза», принадлежавшая, кстати, тоже перу поэтов (О. Берггольц, В. Солоухина). В это время интенсивно развиваются жанры социально-философской и медитативной лирики (в широком диапазоне — от оды и элегии до «надписи на кни-

ге», сонета и эпиграммы), в том числе лирики природы и любви, а также сюжетно-лирической баллады, стихотворного рассказа и портрета, лирического цикла, многообразные формы лирической и лироэпической поэмы.

Обращением к насущным и сложным вопросам жизни, стремлением раскрыть глубинную суть событий современности, более пристальным взглядом на историческое прошлое страны были отмечены новые главы из лирических книг-эпопей А. Твардовского «За далью — даль» («Друг детства», «Так это было») и В. Луговского «Середина века» («Москва 1956»). В эти же годы А. Ахматова завершает «Реквием», циклы стихов «Северные элегии», «Шиповник цветет», «Тайны ремесла» и продолжает работу над «Поэмой без героя».

В автобиографической заметке *«Коротко о себе»*, предваряющей вышедший в 1961 г. сборник *«Стихотворения (1909—1960)»*, Анна Андреевна Ахматова (1889—1966) так отзывалась о собственных стихах: «Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны». Современница Блока и Маяковского, Мандельштама, Цветаевой и Пастернака, — Ахматова прожила долгую творческую жизнь, была свидетельницей великих и трагических событий XX века. Ее путь к постижению времени был отнюдь не простым и не легким.

Стихи первых ахматовских книг *«Вечер»* (1912) и *«Четки»* (1914) отличались подлинностью выражения оттенков любовного чувства, точностью передачи психологических состояний, глубокой содержательностью художественных деталей, необычной зоркостью поэтического зрения, отточенностью и лаконизмом формы. «Лаконизм и энергия выражения — основные особенности поэзии Ахматовой», — отмечал в своей статье в 1923 г. Б. Эйхенбаум¹.

1920-е и 1930-е годы были для Ахматовой временем трагических испытаний. В 1940-е годы она вступила на высокой ноте уже написанных к тому времени стихотворений, составивших великое поэтическое творение середины века — поэму-цикл «Реквием». В датированной сентябрем 1945 г., а задуманной еще в эвакуации в Ташкенте пятой элегии из цикла *«Северные элегии»*, она с горечью отмечает: «Меня, как реку, / Жестокая эпоха повернула. // Мне подменили жизнь, в другое русло, / Мимо другого потекла она, / И я своих не знаю берегов». Вместе с тем поэт не отказывается от своей судьбы:

Но если бы оттуда посмотрела
Я на свою теперешнюю жизнь,
Я б умерла от зависти.

¹ Эйхенбаум Б. О поэзии. — Л., 1969. — С. 89.

К этому времени ее поэзия заметно обогащается эпическими мотивами. Чувство необратимого, закономерного движения истории, связи времен и эпох становится определяющим в ее стихах и поэмах. Слова «век», «эпоха», нередко встречающиеся в них, наполняются глубоко реальным и личностно окрашенным образным содержанием. Это хорошо видно, к примеру, в открывающем цикл «Северные элегии» стихотворении *«Предыстория»* (1940—1943) и в «Поэме без героя», над которой она работала с 1940 г. и до последних лет жизни.

Живое, движущееся время встает со страниц произведений Ахматовой. Стихи о любви, о родном городе, воспоминания о близких людях, о давнем прошлом и пережитом. Сильнее зазвучали раздумья о миссии поэта и поэзии, пронизывающие начатый еще в 1930-е годы и завершенный в 1960 г. цикл *«Тайны ремесла»*. В размышлениях, подытоживающих многолетний творческий опыт, в полную меру проявились открытость, распахнутость души поэта, обретшего высшую творческую свободу, ощутившего столь необходимое ему единство с теми, для кого он пишет:

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет! —
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

(«Читатель», 1959)

Заключительное стихотворение цикла, датированное 1942 г., показывает новую широту души, открытой навстречу безграничному миру и стремящейся вобрать его в себя, новые масштабы поэтического мышления, которыми измеряется поздняя лирика Ахматовой:

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счета
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

Для поздней Ахматовой, при всей реалистичности ее стихов, вырастающих нередко из самой обычной житейской прозы («Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...»), характерно постоянное устремление за пределы обыденного, к тайнам мира, жизни и смерти, времени и вечности. Это можно видеть во многих ее произведениях. Таков, к примеру, *«Приморский сонет»* (1958):

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет...

Менее всего это похоже на простую пейзажную зарисовку. Сама форма сонета создавала условия для диалектического развития мысли-переживания. Начиная с первой строки и строфы, элегическая медитация развертывается неотрывно от пластики и изобразительности рисунка. Конкретные детали сведены до минимума («ветхие скворешни», «над цветущею черешней»). И вместе с тем возникает удивительное ощущение простора, движения, причем не только в пространстве, но и во времени.

Торжественная приподнятость, ощущаемая в самой интонации и выборе лексико-фразеологических средств («голос вечности зовет / С неодолимостью нездешней...»), чистота и высветленность возникающей картины («Сиянье легкий месяц льет... / Белея в чаще изумрудной... / Там средь стволов еще светлее») — все это создает возвышенно-романтическую тональность и стилевую атмосферу, в которой рождается образ-переживание.

В последние годы жизни Ахматовой в полную меру сказались «расширение диапазона ее лирики», «ее внутреннего мира (а значит, и стиха) до самых далеких границ общенародной жизни»¹. Ее талант обрел необычайную силу и мощь, приобщившись к движению истории, постигая закономерности времени, трагически противоречивой эпохи. В то же время Ахматова верна своему лирическому «я», системе излюбленных образов. Ей так же, как прежде, свойственны лаконизм, емкость поэтической строфы, строки, слова. Примером может послужить стихотворение мини-цикла, обращенного к юношеским, гимназическим годам и предвараемого пушкинским эпиграфом: «И царскосельские хранительные сени...»:

Этой липы листья в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.
Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала теченье годов, —
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

(«Городу Пушкина», 1957)

В стихах Ахматовой — ясность и глубина, реалистическая сила, бесстрашие правды и романтическая окрыленность чувства и переживания. Они вобрали в себя столь остро преломившийся в ее

¹ Павловский А. Поэты-современники. — М.; Л., 1966. — С. 111, 138.

собственной судьбе и судьбах близких ей людей социальный и нравственный опыт эпохи, народной жизни. Ее поздняя, глубоко личная и неподдельно гражданственная лирика трагедийна и жизнеутверждающа.

Лирика А.Ахматовой 1950—1960-х годов, ее «Северные элегии» и «Поэма без героя», так же как «Стихи из романа» и цикл «Когда разгуляется» Б.Пастернака, — вершинные явления поэзии этого периода. Позднее творчество двух великих поэтов — блистательная страница, завершающая поэтическую летопись Серебряного века, своего рода «мост», перекинутый из начала столетия к его середине. В этом они близки крупнейшим поэтам русского зарубежья первой и отчасти второй волны эмиграции — И.Бунину, Г.Иванову, Д.Кленовскому.

Настоящая поэзия не угасала даже в самые тяжелые периоды в жизни нашей литературы. Свидетельство тому — послевоенное творчество **Бориса Леонидовича Пастернака (1890—1960)**. Именно в это время им создаются такие шедевры, как «Гамлет», «Зимняя ночь», «Рассвет» (1946—1947). В них отчетливо проступает острое ощущение неблагополучия в мире, осмысляются судьба и предназначение человека, — тем самым выражена активная, подлинно гуманистическая позиция художника. Личность как бы вписывается в жизнь природы, в историю всего человечества. В стихотворениях «*Осень*», «*Белая ночь*», «*Свадьба*», «*Разлука*» «вечные» темы (природа, любовь, жизнь и смерть, назначение художника) переплетаются с библейскими мотивами.

Эти и другие произведения первоначально составили цикл «*Старые мастера*», в дальнейшем получивший название «Стихи из романа», вошедшие в качестве заключительной 17-й главы в роман Б.Пастернака «Доктор Живаго» (1946—1955). Важнейшим среди них можно считать стихотворение «*Гамлет*» (1946), которое, пользуясь словами самого поэта, надо рассматривать как «драму долга и самоотречения <...> драму высокого жребия, заповеданного подвига, вверенного предназначения»¹. Шекспировский образ осмыслен поэтом глубоко лично, социально-конкретно, и вместе с тем несомненно углубление его общечеловеческого содержания:

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.
На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, авва отче,
Чашу эту мимо пронеси.

¹ Пастернак Б. Избранное: в 2 т. — М., 1985. — Т. 1. — С. 601.

Каждая строка и каждый образ стихотворения соединяются в цепочку дополнительных смыслов и ассоциаций, «заземляя» их в конкретно-исторические ситуации тех лет и одновременно протягивая нити к «вечным» образам и мотивам («Гул затих... На меня наставлен сумрак ночи... Но сейчас идет другая драма... Я один, все тонет в фарисействе...»). В общем, речь идет о судьбе и жизненном назначении человека — не только героя шекспировской трагедии, но и «Сына Человеческого», а также, конечно, героя романа Юрия Живаго и реального человека — поэта Б.Л. Пастернака.

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

Что же касается других стихов, то в них гуманистические мотивы и концепции автора находят широкое и разнообразное воплощение. В стихотворении *«Рассвет»* (1947), впервые напечатанном в альманахе *«День поэзии»* (1956), поэт, пожалуй, одним из первых затронул и тему беззаконий, репрессий времен культа личности. Не случайно оно, и особенно строки: «Мне к людям хочется в толпу, / В их утреннее оживленье. // Я все готов разнести в щепу / И всех поставить на колени», — вызвало резкие нападки догматической критики.

В основе ряда произведений названного цикла лежат вечные евангельские сюжеты и мотивы, нашедшие своеобразную трактовку и осмысление. Это служит расширению гуманистической концепции за счет общечеловеческих ценностей (*«Рождественская звезда»*, *«Магдалина»*, *«Гефсиманский сад»* и др.).

Атмосфера времени отчетливо ощутима в большом, состоящем из 44 стихотворений лирическом цикле Пастернака *«Когда разгуляется»* (1956—1959), в котором все пронизано ощущением света, простора, очистительной свежести, обновляющегося хода жизни. Этот цикл очень симптоматичен для своего времени — начала нового важного периода в жизни страны, народа, в развитии литературы, поэзии. Единство человека и мира, чувство обновления от слияния с ним — живым, звучащим, ярким, целостным в своем движении — с большой впечатляющей силой передано в строфах заглавного стихотворения:

Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!
Стихает ветер, даль расчистив.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

Пейзажные картины и образы выразительно и поэтически точно передают общее настроение и мироощущение художника. На наших глазах природа одухотворяется, поэт прикасается к ее тайне, сливается с ней. От зарисовок со сравнениями преимущественно бытового плана («Большое озеро как блюдо»; лес, который — «То весь горит, то черной тенью / Насевшей копоти покрыт») поэт переходит к одушевлению природных явлений («небо празднично», «торжества полна трава») и далее к сравнениям иного характера — он ощущает себя в храме природы, испытывает прикосновение к тайне вечности («В церковной росписи оконниц / Так в вечность смотрят изнутри...»; «Как будто внутренность собора — / Простор земли...»). И это чувство освобождения, чистоты, умиротворенности от духовного слияния с миром великолепно передано в заключительной строфе:

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

В стихах Пастернака отчетливо проявляются пластически-живописное и музыкальное начала, в них развиваются философские мотивы лирики, восходящие к традициям русской поэтической классики. «Вечные» темы предстают здесь в их новизне и неповторимости. Природа, любовь, искусство, человек сплавлены в ткани стиха. «Живое чудо» бескрайнего мира и «сердца тайно светящийся пласт» составляют одно целое.

Несомненно, важнейшими в творчестве Пастернака являются лирика природы и любви, пейзажные и интимно-лирические образы и мотивы («*Ева*», «*Без названия*», «Единственные дни» и другие стихи). Но поэту свойственно и глубокое чувство времени — современности и истории, раскрывающееся нередко через повседневное течение событий, их естественный круговорот, зорко подмеченные пейзажные и бытовые детали. О многом говорят и сами названия стихотворений: «*Весна в лесу*», «*Июль*», «*Осенний лес*», «*Заморозки*», «*Ненастье*», «*Первый снег*», «*Снег идет*», «*После вьюги*», «*Зимние праздники*».

Смена времен года, состояний природы, чутко улавливаемая в стихах Пастернака, передает естественный и сложный, но в целом обновляющийся ход жизни, движение времени-истории. Если в цикле «*Стихи из романа*» преобладали, скажем так, весенне-летние мотивы (ср. названия стихотворений: «*Март*», «*Белая ночь*», «*Весенняя распутица*», «*Лето в городе*», «*Бабье лето*», «*Август*» и лишь одно среди них — «*Зимняя ночь*»), то в цикле 1956—1959 гг. картина обратная, и на первом плане оказываются образные мотивы, связанные не с «оттепелью» и «весной», а, напротив, — с «ненастьем», «заморозками», «снегом» и «вьюгой».

Для поэта характерно постоянное, очень конкретное одушевление, очеловечивание природы. В его стихах «сосна на солнце жмурится», лесной ручей «что-то хочет рассказать / Почти словами человека», «ветер бредет наугад / Все по той же заросшей тропинке»... С другой стороны, для него органична глубинная связь: человек — вселенная — время. От обычного, ближайшего, сиюминутного, того, что окружает людей в их быту, к необычному, бескрайнему и вечному — таков путь развития поэтической мысли, который наглядно прослеживается в завершающем цикл стихотворении «*Единственные дни*» (1959). В нем вновь поэтически приоткрывается тайна жизни и времени: их бесконечное разнообразие, вечное движение и неповторимость каждого мига:

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

Человек неразделим здесь с жизнью природы, мира, естественным движением времени, с которым его объединяет, роднит любовь. Как всегда, обращает на себя внимание мастерство конкретных деталей, которые каждый раз выводят к обобщению, в большой окрестный мир («Дороги мокнут, с крыш течет, / И солнце греется на льдине»; «...И на деревьях в вышине / Потееют от тепла скворешни»). И вместе с тем именно эти детали помогают нагляднее ощутить всю значимость и величие «Тех дней единственных, когда / Нам кажется, что время стало». Отсюда такой естественный переход от обычных, казалось бы, дней, часов и даже минут к веку и вечности, заложником или посланником которой ощущал себя поэт.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день
И не кончается объятье.

В середине 1950-х годов по-новому мощно и разнообразно продолжил свое творчество **Николай Алексеевич Заболоцкий (1903—1958)**. В октябре 1953 г. им было опубликовано в «Новом мире» написанное еще в 1948 г. стихотворение с многозначительным названием «*Оттепель*», прозрачная символика которого столь соответствовала духу времени, а после выхода весной 1954 г. одноименной повести Ильи Эренбурга оно стало обозначением периода.

В 1956 г. Заболоцкий пишет стихотворение, обращенное к самым тяжким временам в жизни страны и народа и в его собственной судьбе, — «*Где-то в поле возле Магадана*». Оно не было опубликовано при жизни поэта и впервые появилось в печати в 1962 г., да

и то в урезанном виде, а полностью смогло быть напечатанным лишь в 1965 г. Как и в других стихах середины 1950-х годов, в центре внимания поэта судьбы людей — на этот раз глубоко трагические: «два несчастных русских старика» в лагере на Колыме, «вдалеке от близких и родных».

Где-то в поле возле Магадана
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.

Поэт воспроизводит всего лишь один небольшой эпизод лагерного существования, дает краткую и выразительную зарисовку того, как в этих нечеловеческих условиях иссякали душевные силы, сходили на нет человеческие жизни. Вместе с тем воссозданная в бытовой конкретности, с помощью сугубо земных, реалистических деталей («Вкруг людей посвистывала вьюга, / Заметая мерзлые пеньки»), картина приобретает огромную силу обобщения, поистине вселенский, космический масштаб. Проблема «человек и страшная социальная действительность» здесь вплотную сопрягается со столь характерными для творчества Заболоцкого проблемами «человек и природа», «человек и мир». Обреченность лагерного существования противопоставит беспредельности природного бытия: «Жизнь над ними в образах природы / Чередою двигалась своей».

В образную ткань стихов входит высшее, космическое начало, обуславливая соответствующую стилевую окраску текста, выбор лексических и интонационных средств («Дивная мистерия вселенной / Шла в театре северных светил...»). Вместе с тем эта «звездная» символика приобретает здесь конкретный поэтический смысл, представая в контрастном сопоставлении: померкшие, отвернувшиеся от людей «звезды, символы свободы» и — реальные, сверкающие над головой «созвездья Магадана». Финал стихотворения, его заключительный аккорд вновь возвращает нас на землю, озаренную холодным звездным сиянием. И мысль поэта, очевидно, в том, что даже суровая северная природа как бы сочувствует людям, но и она бессильна перед человеческой трагедией.

Стали люди, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,

Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

Интенсивно разрабатываемые в позднем творчестве Заболоцкого социальные, нравственные, эстетические мотивы не потеснили важнейшую философскую тему человека и природного мира. Важно подчеркнуть, что по сравнению с произведениями второй половины 1940-х годов в стихах видна отчетливая позиция по отношению ко всему, что связано с вторжением в окружающую среду, ее «преображением» и т.п.

«Человек и природа, — подчеркивал он в одном из писем 1958 г., — это единство, и говорить всерьез о каком-то покорении природы может только круглый дуралей и дуалист. Как могут, человек, покорять природу, если сам я есть не что иное, как ее разум, ее мысль? В нашем быту это выражение “покорение природы” существует лишь как рабочий термин, унаследованный из языка дикарей»¹. Вот почему в его творчестве второй половины 1950-х гг. с особой глубиной раскрыто единство человека и естественного мира. Эта мысль проходит через всю образную структуру его произведений.

В поздних стихах поэта картины родной природы нередко видятся ему в экспрессивно-романтических тонах, реализуясь в образах, отмеченных пластикой, динамичностью, острым психологизмом: «Целый день осыпаются с кленов / Силуэты багровых сердец... // Пламя скорби свистит под ногами, / Ворохами листвы шевеля» («*Осенние пейзажи*»). С наибольшей впечатляющей силой «очарование русского пейзажа» ему удастся передать, как бы пробившись сквозь плотную завесу обыденности и по-новому увидев и изобразив это на первый взгляд «царство тумана и морока», на самом деле полное какой-то особенной красоты и тайной прелести.

Стихотворение «*Сентябрь*» (1957) — пример одушевления пейзажа. Сын поэта Никита Заболоцкий писал: «В основе этого стихотворения — вполне реальные вещи: тарусская осень, девушка — дочь Наташа, жившие по соседству художники, душевное возрождение автора. Движение образов происходит на двух уровнях: на небе — от ненастной погоды к лучу солнца, на земле — от куста орешины к улыбающейся заплаканной девушке»².

Сыплет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

¹ Заболоцкий Н. А. «Огонь, мерцающий в сосуде...»: Стихотворения и поэмы. Переводы. Письма и статьи. Жизнеописание. Воспоминания современников. Анализ творчества. — М., 1995. — С. 771.

² Там же. — С. 720.

Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Пробившийся сквозь дождевые облака луч солнца осветил куст орешины и вызвал у поэта целый поток ассоциаций-размышлений. Интересна диалектика развития образа-переживания (соотношение мотивов непогоды и солнца, увядания и расцвета, переход ассоциаций из природной сферы в мир человека и обратно). Решению художественной задачи служат сравнения, олицетворения, эпитеты — все компоненты поэтической структуры:

Значит, даль не навек занавешена
Облаками и, значит, не зря,
Словно девушка, вспыхнув, орешина
Засияла в конце сентября.
Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.
Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.

Стихотворение повествует об осени, но общий колорит его весенний, оно пронизано красками расцвета, дышит ароматом юности. На наших глазах происходит удивительное взаимопревращение молодого деревца и девушки-царевны. Тонкое одухотворение пейзажа, спокойная раздумчивая интонация, взволнованность и сдержанность тона, красочность и мягкость рисунка создают обаяние этих стихов. Но дело не только в образно-живописной конкретике. Их содержание шире: герои здесь — одухотворенный природный мир и человек, торжество в жизни красоты и духовности, истинно гуманных, человеческих начал. Основная проблема творчества Заболоцкого — «человек и природа» — нашла глубокое поэтическое воплощение и предстает в их живом движении, взаимопретекании друг в друга.

Живописуя в поздних стихах неброскую красоту средней полосы России, Заболоцкий стремился быть предельно конкретным и достоверным, воспроизводя, к примеру, не просто вечер, а «Вечер на Оке», и не какой-то лес вообще, а именно «Подмосковные рощи». Вместе с тем его пейзажи глубоко эмоциональны, лиричны, одухотворены. Сама природа в ее компонентах, деталях и в целом воспринимается им как живое существо, всегда хранящее некую тайну, недоступную для «неочарованных людей» и открывающуюся только влюбленному сердцу.